

Глава 15

Бамбуковый плот плыл вниз по реке. Белый, уже не розовый, зверёк неторопливо прогуливался по краю, то разглядывая рыб в реке, то любуясь далёкими горами.

Пейзаж был туманным, зелёным, словно картина. Отражение белого одеяния на водной глади стало ярким штрихом, подобным белому журавлю на этом полотне.

Цан Шунь смотрел и вдруг подумал, что этот цвет удивительно подходит человеку. Растворённый в зелени гор и синеве воды, белый не казался ни слишком ярким, ни слишком блёклым. Император-демон видел много его оттенков — иней, лунный свет, — но ни один не мог сравниться с этим...

Ветер пронёсся над рекой, и сидящий на плоту юноша в белом открыл тёмные, как тушь, глаза.

Цан Шунь как ни в чём не бывало отвёл взгляд, уставившись на плывущие по реке листья, что расходились кругами по воде.

Через мгновение зверёк так же невозмутимо повернулся обратно и увидел, как Шэнь Моцин склонил голову. Несколько прядей тёмных волос скользнули по его бровям, а спокойный взгляд устремился вдаль.

Среди гор, в лёгкой дымке тумана, показался город на воде.

Цан Шунь лишь мельком взглянул и понял, что это обычное поселение смертных, без малейших колебаний духовной энергии. Впрочем, место было красивым — неудивительно, что здесь рождаются такие сокровища, подобные нефриту.

Ветер донёс до сознания заклинателя голос:

«Это твоя родина»

Шэнь Моцин не ответил.

«Не хочешь вернуться, посмотреть?»

Ветер уже уносил плот вдаль. Юноша отвёл взгляд.

— Не нужно.

— У меня нет родины.

Цан Шунь помолчал пару секунд, затем медленно промычал что-то и, запрыгнув Шэнь Моцину на колени, похлопал его пушистой лапкой.

«Куда мы направляемся?»

Мечник поднял глаза, глядя на далёкие пики.

— В провинцию Цинлуань.

Провинция Цинлуань была одной из трёх тысяч центральных провинций. Именно там, согласно древней карте, оставленной старшим Синъюнем, находилось наследие пути формаций.

В отличие от провинции Дунчжоу, где преобладали заклинатели-талисманщики, Цинлуань была землёй мастеров формаций. Крупнейшей организацией здесь была секта Десяти тысяч трансформаций, в которой состоял один мастер стадии Преобразования Духа и четыре мастера стадии Зарождающейся Души.

«Цинлуань? — Цан Шунь, казалось, нашёл это забавным и тихо рассмеялся. — Тот парень тоже завладел целой провинцией?»

Шэнь Моцин встретился с его алыми глазами:

— Провинция Цинлуань получила своё название четыре тысячи лет назад в честь последнего в мире Цинлуаня, павшего на этой земле.

Выслушав это, Цан Шунь не изменился в лице. Неизвестно, о чём он думал, но демон долго молчал.

Плот плыл вниз по реке, миновав множество гор. Вскоре поднялся сильный ветер, подхватив гигантского воздушного змея и устремив его в небеса.

Между провинциями Девяти тысяч провинций были установлены барьеры. В мирное время пересечь их можно было через пограничные телепортационные формации. Если же расстояние было слишком велико, люди пользовались Фэйюанем — огромным межпровинциальным транспортом.

Это судно длиной в тысячу чжанов несло на своей спине целые небесные павильоны, чьи крыши терялись в облаках. Бесчисленные строения теснились друг к другу, и лёгкие облака проплывали сквозь резные галереи, пока исполин парил в небесном океане.

Шэнь Моцин потратил целое состояние, чтобы заказать комнату высшего класса. Причина была проста: она находилась рядом с центральным узлом корабля, где концентрация духовной энергии была наивысшей, что благоприятствовало совершенствованию.

— Достопочтенный гость, прошу за нами.

Две служанки в развевающихся одеждах с улыбкой вели его. Одна из них, заметив, что у молодого человека утончённые черты лица и стройная, как бамбук, фигура, невольно бросала на него кокетливые взгляды.

Однако вскоре маленький зверёк на руках у гостя начал свирепо тарашиться на неё.

В просторной и роскошной комнате служанка только подняла чашку, как услышала приятный, мелодичный голос:

— Благодарю, я справлюсь сам. Можете идти отдыхать.

Гостям высшего класса полагались личные слуги, готовые прислуживать в любое время, и работа без отдыха целый день была обычным делом. Услышав это, девушки с благодарностью посмотрели на Шэнь Моцина, поклонились и, закрыв за собой дверь, весело удалились.

Цан Шунь проводил их взглядом, пока они окончательно не скрылись, а затем повернулся и мрачно посмотрел на своего спутника.

«Даже изменив внешность, он всё равно умудряется нравиться другим»

Шэнь Моцин встретился взглядом с этим пушистым комом, уставившимся на него своими круглыми глазами.

«Что такое?»

Он поднял руку и легонько взъерошил зверьку шерсть на макушке.

Цан Шунь промолчал и демонстративно отвернулся. Он подошёл к столу, увидел блюдо с духовными фруктами, схватил самый большой и бросил его человеку, а маленький взял себе и принялся катать лапкой.

Шэнь Моцин достал свою сумку и начал осматривать добычу.

За это время, сотрудничая с Павильоном Тысячи Тайн, он продавал свои талисманы не только в Городе Зелёного Бамбука, но и через Бай Юэ на аукционах в главном отделении. В общей

сложности он заработал более ста тысяч духовных камней.

Заклинатели-талисманщики действительно оказались богаче мечников. По крайней мере, его «Чэньцзе» прибыли не приносил.

При воспоминании о своём клинке, подобном инею, на губах юноши промелькнула улыбка.

Цан Шунь тут же поднял голову.

«О ком это он подумал, что так счастлив?»

Белый зверёк подпрыгнул к нему, прижал лапой край его одежды и принялся молча мять ткань, пока та не превратилась в комок.

Шэнь Моцин, привыкший к капризам спутника, не обратил на это внимания. Руны заплясали в воздухе, создавая барьер, полностью изолирующий комнату от внешнего мира. На его лбу вспыхнул знак лотоса, и появилась прозрачная девятилепестковая печать, излучающая мягкое сияние.

Защитный артефакт пятого ранга начального уровня, Глазурная чаша снежной пыли, способный выдержать удар мастера на начальной стадии Преобразования Духа.

В воздухе парили ещё два полупрозрачных рецепта талисманов с золотыми письменами, струящимися внутри.

Первый — Рецепт талисмана разрыва пространства шестого ранга, способного разорвать пустоту и позволить пересечь целую провинцию.

Второй — Рецепт талисмана запретного мира шестого ранга, создающего тюрьму, из которой не выбраться никому слабее мастера на начальной стадии Очищения Пустоты.

Оба были лишь рецептами, а не готовыми артефактами. Для их создания требовалось множество редких материалов, но даже одни их чертежи в высших провинциях стоили целое состояние. Ведь мощь шестого ранга была сравнима с силой мастера Очищения Пустоты, а такие заклинатели были опорой любой секты.

Над рецептами висел закрытый свиток, неподвижный, словно вырезанный из нефрита — атакующий артефакт шестого ранга под названием «Найхэ».

Мост отчаяния, ведущий души в загробный мир, по которому не ступала нога живого.

С нынешним уровнем совершенствования Шэнь Моцин пока не мог использовать это оружие. Возможно, достигнув середины стадии Золотого Ядра, он сумеет заимствовать часть его силы.

Взгляд юноши остановился на последнем предмете — неполной технике, позволяющей восстанавливать духовные корни. Даже в секте Тяньшу не было ничего подобного. Один лишь этот свиток убедил его, что уровень старшего Синъюня был гораздо выше Очищения Пустоты, возможно, даже выше Великого Вознесения.

Шэнь Моцин убрал сумку и опустил глаза.

На его коленях лежал белый пушистый комок, лениво помахивая хвостом. Юноша осторожно положил духовный фрукт ему на голову. Мягкая шерсть прогнулась, и Цан Шунь тут же замер.

Он лежал неподвижно, лишь длинный хвост тянулся вверх, пытаясь достать плод. Шэнь Моцин спокойно отвёл хвост пальцем, закрутив его в колечко, и услышал знакомое громкое «миу».

Главным приобретением в этом путешествии стали не только наследия, но и созданная им самим техника «Призыв Гуйской». Теперь, даже столкнувшись с мастером Преобразования Духа, у него был шанс на победу.

Если же он прорвётся на стадию Золотого Ядра, мощь техники изменится качественно. Однако это было непросто. Золотое Ядро — настоящий водораздел на пути совершенствования. Лишь когда оно войдёт в духовное море, можно будет взойти на великий путь.

Для перехода на этот уровень необходимо было преодолеть громовую скорбь. В прошлом он, выдержав удар девяти тысяч небесных громов, перешёл от великого совершенства Создания Основы к стадии Золотого Ядра.

Цан Шунь перевернулся и вдруг увидел, как эти красивые руки развязывают пояс, распахивают одеяние, обнажая бледную кожу.

Цан Шунь: «...»

Округлые уши белого зверька тут же встали торчком, и он быстро зарылся под одеяло, оставив снаружи лишь пушистый зад.

Шэнь Моцин с недоумением взглянул на него и снял талисман сокрытия, вернув себе истинный облик. Одежда была полураспахнута, тёмные волосы рассыпались по груди. Алые ветви змеились по коже, остановившись в нескольких цунях от сердца.

Он прекрасно понимал: как только эти ветви пересекут его сердце, Приказ возвращения весны иссохшему древу заберёт его жизнь, а душа навечно погрузится в пламя.

Его тёмные глаза были спокойны. Длинные пальцы легко двигались, создавая руны. Семь барьеров подряд превратили комнату в неприступную крепость.

Затем он ткнул пальцем в неподвижный белый комок под одеялом:

— Я уйду в уединение на три дня. Прошу вас, Ваше Величество, посторожить дверь, чтобы никто не вошёл.

Пушистый шар под одеялом шевельнулся, медленно высунулся и украдкой поднял голову. В следующую секунду он снова спрятался, сжавшись в комочек.

«Хорошо» — ответил он тихим голосом.

Шэнь Моцин лишь покачал головой. Он слышал, что у демонов-зверей нравы весьма свободные, так почему этот Император-демон так смущается? Впрочем, ему всего триста лет, ещё не совершеннолетний Мими.

Юноша поднял одеяло, осторожно накрыл этот мягкий «Байтангао» и, закрыв глаза, погрузил сознание в духовное море. Там, над пропастью, парил Приказ возвращения весны иссохшему дереву.

Артефакт, хоть и был воссоздан им, не подчинялся ему полностью. В нём сохранилась частица воли древнего бессмертного, преграждающая путь. Духовное сознание Шэнь Моцина село в медитацию напротив Приказа. Он сложил руки в мудру, и бесчисленные руны окружили его, создавая безбрежную звёздную реку.

Он собирался вновь очистить Приказ истинным смыслом пути талисманов и сразиться с волей бессмертного внутри собственного духовного моря!

В комнате царила тишина, лишь руны слабо мерцали в такт потокам мощной энергии.

Одеяло слегка приподнялось, и из-под него показалась пушистая белая голова. Пара круглых демонических глаз украдкой взглянула вверх, и их взгляд быстро скользнул по шее юноши.

Цан Шунь бесстрастно отвернулся. Через две секунды снова украдкой взглянул. Спокойно отвёл взгляд. Ещё через две секунды он уже смотрел с чистой совестью.

«Почему он не одет как следует!»

Цан Шунь запрыгнул ему на колени и лапками попытался стянуть края одежды поплотнее. Неужели этот человек не боится простудиться?

Император-демон продолжал бормотать про себя, устроившись поудобнее. Его длинный хвост легонько похлопывал по подолу, а он всё не унимался. У них, у демонов, всё хорошо: есть шерсть или чешуя. А у этого кожа такая белая и тонкая. Ветер дунет — и он занеможет.

Через некоторое время Цан Шунь снова поднял голову.

Даже во время глубокой медитации Шэнь Моцин сидел прямо, как бамбук. Воротник был свободно распахнут, открывая шею, подобную фарфору, и ключицы, словно выточенные из нефрита. Грудь, покрытая тонким слоем мышц, отливала холодным блеском. А внизу, на бледной коже, покоилась алая ветвь, зловеще красивая, как цветы сливы на снегу.

Зверёк долго смотрел на эту алость. Это была аура Великого Дао, но отличная от нынешнего — более древняя и чистая.

Взгляд Цан Шуна тут же стал ледяным. Его демоническая сила вырвалась наружу, но не для атаки — она окутала пространство, слой за слоем перекрывая любую возможность утечки энергии наружу.

Белый зверёк стремительно вырос, превратившись в огромную, величественную снежную гору. Затем эта гора склонилась, и ледяной ветер утих, окружая стройный бамбук защитой. Цан Шунь молча положил подбородок на волосы человека, а хвостом осторожно обвил его талию, преданно охраняя его покой.

Внутри духовного моря Шэнь Моцин шёл по мрачной дороге. Это чувство было ему знакомо — три года назад он уже ступал на этот древний путь, где впереди была лишь бесконечная тьма. Тогда он зажгёт свою эссенцию крови, чтобы осветить дорогу, и обрёл прозрение.

А сейчас он услышал долгий, древний вздох, пролетевший через века и опустившийся рядом с ним:

— Десятки тысяч лет никто не ходил по этому пути. Зачем ты пришёл сюда, зачем обрёл себя на страдания?

Духовное море содрогнулось. Шэнь Моцина вырвало кровью. Тёмные волосы рассыпались, а алые капли потекли по дрожащим пальцам. Эта кровь тут же отразилась в глазах Цан Шуна, стоявшего на страже.

«Шэнь Моцин!»

Юношу снова вырвало кровью. Алые ветви на его теле начали безумно разрастаться, словно сорняки, и вскоре... они пересекли его сердце!

«Моцин!..»

<http://bllate.org/book/13480/1690871>